

УДК 316.624

Клейберг Ю.А.*Московский государственный областной университет***КРЕАТИВНАЯ ДЕВИАНТОЛОГИЯ: ОПЫТ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. В статье представлен первый российский опыт институализации креативной девиантологии как специальной научной и учебной дисциплины. Делается акцент на приобретении креативной девиантологией своей научной синтагмы – систематизированной и логически выверенной системы знаний, полученных на базе разных парадигм, своего статуса методологически конституирующей теории в психологии и девиантологии (пока она существует на правах частного раздела этих наук), способствующей обогащению проблемно-тематического поля человековедческих наук. Отмечается, что для действительного самоопределения новой области знания (а креативная девиантология претендует на это) необходимо обосновать выбор объекта и предмета исследования, общих и специальных исследовательских задач, а главное – обосновать место нового раздела девиантологического знания в целом в психологической и девиантологической науках.

Ключевые слова: творчество, креативность, личность, опыт институализации, креативная девиантология.

Yu. Klayberg*Moscow State Regional University***CREATIVE DEVIANTOLOGY: EXPERIENCE OF INSTITUTIONALIZATION**

Abstract. The article presents the first Russian experience of institutionalizing Creative Deviantology as a special scientific and academic discipline. The article emphasizes the fact that Creative Deviantology has acquired its own scientific syntagma, i.e. systematized and logically adjusted system of knowledge received on the basis of various paradigms. Besides, it acquired its own status of a methodologically constituting deviantology (while it exists as their special part). Creative Deviantology stimulates the enrichment of problem-thematic field of humanitarian sciences. For real self-determination of this new area of knowledge (Creative Deviantology has pretensions of being such an area) it is necessary to substantiate the choice of an object and subject of the research, as well as of general and special goals. But, what is more important, it is necessary to substantiate the place of the new deviantological knowledge in psychology and deviantology as a whole.

Key words: creative work, creativity, personality, experience institutionalization, creative deviantology.

Творчество возникает тогда, когда индивид начинает осознавать себя личностью. Творчество всегда личностно обусловлено. Известный русский философ Н.А. Бердяев (1989)

© Клейберг Ю.А., 2015.

считал, что творчество – единственный вид деятельности, который делает человека человеком [1]. Движущей силой человечества, как отмечает российский психолог Е.П. Ильин (2009), являются творческие личности [3].

Творчество – художественное, научное, техническое, спортивное и др. – связано с созданием какого-то нового продукта, который должен быть оценен обществом. Этот продукт творчества, как правило, бывает индивидуальным или коллективным, и он должен быть значимым, в первую очередь, для самого творца (индивидуального или коллективного). Для творца часто важна (но не обязательно) психологическая составляющая как самого процесса создания нового, оригинального, эксклюзивного, так и результата – признание, почет, слава, деньги (эффект «медные трубы»). Однако можно встретить со стороны творца и безразличие и даже игнорирование знаков внимания к своей персоне и продукту своего труда со стороны общества. Эта работа бескорыстна и творцом воспринимается как само собой разумеющееся. Вспомните феномен современного российского гения (включен в мировой список гениев!), ученого-математика *Григория Перельмана*, первым доказавшим одну из «задач тысячелетия» – гипотезу Пуанкаре и отказавшегося от миллиардной (в долларовом эквиваленте) премии за свое открытие, и ютящегося с мамой в двухкомнатной «хрущевке» Санкт-Петербурга [4].

Вообще в истории науки и искусства есть немало примеров самоотверженности, смелости и бескорыстия ученых и деятелей культуры и искусства, чьи имена стали мировой гордостью. Вот только некоторые из них: И.К. Айвазовский, И.В. Гёте, Ч.Р. Дарвин, Ф.М. Достоевский, И. Ньютон, В.А. Моцарт, Леонардо да Винчи, Д.И. Менделеев, А.С. Пушкин, А. Рублев, Л.Н. Толстой, Э.М. Хемингуэй, К.Э. Циолковский,

П.И. Чайковский, А.П. Чехов, В. Шекспир, А. Эйнштейн и многие другие. Важное значение для настоящего Мастера имеет духовное богатство внутреннего мира личности творца, его постоянная направленность на творческое действие во внешнем мире.

Правда, отношение к творчеству в различные эпохи изменялось кардинально. В Древнем Риме в книге ценился лишь материал и работа переплетчика, а автор был бесправен – не преследовались ни плагиат, ни подделки. В Средние века и значительно позднее творец был приравнен к ремесленнику, а если он дерзал проявлять творческую самостоятельность, то она никак не поощрялась. Творец должен был зарабатывать на жизнь иным путем: Мольер был придворным обойщиком, да и великого М.В. Ломоносова ценили за утилитарную продукцию – придворные оды и создание праздничных фейерверков. И лишь в XIX в. художники, литераторы, ученые и прочие представители творческих профессий получили возможность жить за счет продажи своего творческого продукта. Как писал А.С. Пушкин: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». При этом рукопись ценили только как матрицу для тиражирования, для производства массового продукта. В XX в. реальная ценность любого творческого продукта также определялась не вкладом в сокровищницу мировой культуры, а тем, в какой мере она может служить материалом для тиражирования (в репродукциях, телефильмах, радиопередачах и т. д.). Поэтому существуют неприятные для интеллектуалов различия в доходах, с одной стороны, представителей исполнительского ис-

кусства (балета, музыкального и театрального исполнительства и т. д.), а также дельцов массовой культуры и, с другой стороны, творцов [2]. В китайской «Книге перемен» говорится о том, что **«высшая форма творчества – творчество добра»**.

Творчество как один из видов деятельности и креативность, как устойчивая совокупность черт, способствующих поиску нового, оригинального, нетипичного, обеспечивает развитие и личности самого творца, и общества в целом. На уровне общественных интересов креативность действительно рассматривается как эвристический способ жизнедеятельности, но на уровне социальной группы поведение творческой личности может быть оценено как вид деятельности, не согласующийся с нормами и предписаниями, принятыми в данном сообществе людей. Творчество может рассматриваться как форма поведения, не согласующаяся с принятыми нормами, но при этом не нарушающая правовые и моральные предписания группы [7, с. 165–210]. Поэтому творчество и креативность можно рассматривать как позитивные девиации.

Пытливый читатель может задать вопрос: «Какая связь между творчеством и девиациями? Ведь творчество – это созидание, а девиация – отклонение». Действительно, необычное и, на первый взгляд, необъяснимое терминологическое сочетание «креативная девиантология» даже по звучанию пессимистично. Оно рождает неоднозначные ассоциации. Но это только на первый взгляд. Дело в том – рискнем сказать, – *что вся наша жизнь во всем ее многообразии и мозаичности имеет девиантологическую основу*. Мы просто об

этом никогда не задумываемся. Стоит только внимательно присмотреться к действительности, к «реалиям жизни», и мы непременно обнаружим взаимосвязь и даже взаимозависимость творчества и девиантности. Памятуя о том, что «реальность является девиантной» (по Н. Луману), девиантность жизни проявляется в труде, учебе, искусстве и культуре, науке, образовании и воспитании, спорте и досуге, общении и семейной жизни и т. п. и имеет множество различных форм проявления: инициативность, трудоголизм и тунеядство; инновации и разгильдяйство; образованность и бескультурье; великие достижения и невежество и хамство; пьянство, алкоголизм, проституция и добропорядочность и милосердие; преступления, агрессия, насилие и доброта, терпимость и альтруизм; коррупция, мошенничество, взяточничество, ложь, маргинальность, социальное неравенство и законопослушность, честность, справедливость, интеллигентность, одиночество, остракизм; экстремизм и эпатаж и юмор и бесшабашность; добро и зло; любовь и ненависть; война и мир и т. д. и т. п.

А поэтому, как нам думается, **девиантность создается не обществом как таковым, по утверждению Говарда Беккера, но, безусловно, в обществе, а конструируется властью (режимом), где и культивируется, приобретая специфические черты и оттенки**. Люди, живущие в таком обществе, строят (или не строят) свое поведение в соответствии с предписаниями этого общества [4].

Социальная неустроенность, конфликт, неудовлетворенность и т. п. могут выходить не только в творчество, но и проявляться в виде насилия,

вандализма, а также в виде различных форм «ухода» от реальности (алкоголизм, наркомания, «хиппизм» и др.).

И это еще не все. Каждая личность живет и действует в противоречивой и агрессивной социальной среде, где одинаковые социальные нормы и методы воздействия применяются к разным по своим способностям, характеру, привычкам, стилю поведения, культуре и образованности, образу жизни людям. Противоречивость и агрессивность социальной среды определяет отношение каждого человека к самой социальной среде, социальным нормам, мотивации поступков и отношений, традициям, культуре и к самому себе. И если это отношение явилось результатом социально значимого осознания себя в этом мире и мира (вещей, поступков, отношений) в себе, то мы имеем дело с целенаправленной, творческой работой человека над собой, со стойким социальным иммунитетом к негативным социальным отклонениям. И, наоборот, неспособность (или нежелание) человека осознать важность и ценность своего социального бытия (в широком смысле слова) – приводит к нарушениям (деформациям) социальной нормы, проявляющимся в различных видах и формах девиантного (отклоняющегося и криминального) поведения.

Результаты исследований подростков с девиантным поведением показывают, что многие из них нередко являются более креативными людьми, чем некоторые представители поведенческой нормы (Л.Р. Вафин, Ю.А. Клейберг, В.Д. Менделевич). Список сходных черт креативных и девиантных личностей (по Ф. Баррону и Д. Харрингтону) включает в себя самостоятельность

суждений, способность находить привлекательность в трудностях и рисковать. Ф. Фарли выделяет даже особый тип личности – «искатель возбуждения»: лица такого типа могут, с одной стороны, достигать высокой степени креативности, но, с другой – демонстрировать деструктивное и даже криминальное поведение. Подросток-девиант излишне любознателен, он – экспериментатор, в высшей степени склонен к риску и существованию в неопределенности. Любое давление на него может вызвать протестные формы поведения, что часто приводит к дистанцированию и разрыву связей с образовательным учреждением и семьей [4; 5; 6].

Однако специально обращаем внимание читателя на следующие **принципиально важные моменты**. Во-первых, в научной литературе (зарубежной и отечественной) мы не встречали книг и статей с названием «креативная девиантология» и даже употребления такого словосочетания. Во-вторых, креативная девиантология должна приобрести свою синтагму – систематизированную и логически выверенную систему знаний, полученных на базе разных парадигм, свой статус методологически конституирующей теории в психологии и девиантологии (пока она существует на правах частного раздела этих наук). Но даже как частный раздел психологии и особенно девиантологии творческая деятельность человека на сегодняшний день непростительно обделена вниманием российских исследователей. В-третьих, креативная девиантология помимо нашей воли прорывается в научную жизнь и заявляет о себе на уровне эвристичности, создает образ предмета, так как у нее пока нет собственной

целостной концепции, отвечающей запросам философской, искусствоведческой, психологической мысли. Тем не менее креативная девиантология, прародителями которой являются психология творчества, социология и девиантология, т. е. человековедческие науки, хотя и имеет слабую методологическую и эмпирическую основу, все же подает большие надежды и потому чрезвычайно востребована и интересна для научных поисков и экспериментов. В-четвертых, процессы интеграции современной креативной девиантологии с психологией, искусствоведением, социологией, философией и др., позволяющие осуществлять анализ традиционных и новых проблем на основе междисциплинарного синтеза, могут привести к существенному обогащению проблемно-тематического поля этих наук [4].

Справедливости ради следует сказать, что на сегодняшний день было бы преждевременным говорить о креативной девиантологии как о уже сформировавшейся области научного знания. Скорее всего, можно говорить о набросках к различным теоретическим точкам зрения и подходам, которые, безусловно, ценны и уже сейчас «работают» на создание методологической основы креативной девиантологии.

И в этом направлении психологами, социологами, криминалистами уже делаются серьезные научные шаги. Так, впервые в России коллективом ученых под редакцией профессора Я.И. Гилинского подготовлена монография «Творчество как позитивная девиантность» (2014), где помещена глава автора данной статьи; монография Ю.А. Клейберга «Основы психологии девиантного поведения», в которой есть глава

«Творчество как специфическое проявление девиантного поведения» (2014). А еще раньше – статьи Я.И. Гилинского «Творчество: норма или отклонение?» (1990); «Художественное и научное творчество как девиантность» (2012); учебное пособие Ю.А. Клейберга Девиантное поведение в вопросах и ответах (2006; 2008), статьи Ю.А. Клейберга «Креативность образовательной среды как фактор профилактики и коррекции девиантного поведения школьников» (2007); «Социально-психологическая взаимосвязь творчества и девиантного поведения» (2006); монография Ю.А. Клейберга и С.Ю. Каниной «Креативность образовательной среды и профилактика девиантного поведения» (2007) [4]. Подготовлена к печати монография «Креативная девиантология».

Современная эпоха – это время социальных новаций, перемен, смены политических, личностных, научных, ценностных ориентаций. Но это и время утраты идеалов, девальвации ценностей и традиций, время – потери поколений, культурного и интеллектуального генофонда страны. Это время обостренной оценки морально-этических парадигм. Психологическая наука с ее погруженностью в отдельные способности, качества, элементы личностного, деятельностного поведения часто не в силах одна ответить на возникающие вопросы экзистенциального (а иногда и юридического) звучания: в чем смысл современной жизни; как относиться к «эпохе Мракобесия в России» (термин Я.И. Гилинского): маркирование музеев с целью запрета несовершеннолетним смотреть на «Венеру Милосскую», «Давида» Микеланджело, не говоря уже о Босхе, Родене, Пикассо, Дали т. д.; какими глазами

смотреть (а главное, с какой совестью!) на травлю музея Владимира Набокова, что делать с запретом постановки «Лолиты»; а как реагировать на требование убрать из Русского музея картину Ильи Репина «Иван Грозный убивает своего сына», как «оскорбляющую патриотические чувства граждан»? Как нам жить в XXI веке (!) с вопиющим ростом детско-подростковой беспризорности и бродяжничества, наркомании, проституции, насилия, агрессии, самоубийств, жестокости и зла? Как показывает история, мракобесие в политике, идеологии, социальной сфере, а по большому счету – в СОЗНАНИИ отдельных групп людей, обслуживающих эти сферы – всегда сопровождало общество и, как видно, сопровождает и сейчас, хотя времена уже не те. Тогда возникает естественный вопрос: «Как нам жить дальше?». Хотелось бы сказать – «ЧЕСТНО». И это было бы правильно во всех смыслах! Однако современное жизнеустройство (тотальная ложь, всепоглощающая коррупция, бесстыдное воровство чиновников и т. д. и т. п.) все меньше и меньше оставляет выбора большинству членов общества жить честно (т. е. *творить добро*), и все больше и больше провоцирует людей на неблагоприятные поступки (т. е. *творить зло*). Вот такая странная «диалектика»! Одно знаем наверняка – *сейчас России нужна ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ!*

Отсюда возникло желание институализировать креативную девиантологию – востребованную и комплексную научную и учебную дисциплину.

Автор статьи отдает себе отчет в том, что для действительного самоопределения новой области знания (а креативная девиантология претендует

на это) необходимо обосновать выбор объекта и предмета исследования (в чем специфика нового подхода?), выбор общих и специальных исследовательских задач (в чем специфика этих задач?), а главное – обосновать место нового раздела девиантологического знания в целом в психологической и девиантологической науке.

Наше знакомство с отечественными и зарубежными научными публикациями, свидетельствует, что такого методологического анализа, преобладающего над художественными сентенциями, проведено не было. Не всегда термин «психология», также как и термин «искусство/творчество», взятые совместно, рожают «психологию искусства/творчества». Какое содержание лежит за этим словосочетанием? – вот в чем вопрос. Однако начинать с чего-то надо.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М., 1989. 358 с. (гл. 4, 7, 8, 9)
2. Дружинин В.Н. Психология. Учебник для гуманитарных вузов. Гл. 35. СПб., 2001. 656 с.
3. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., 2009. 434 с.
4. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. Монография. СПб., 2014. 286 с.
5. Клейберг Ю.А. Девиантология: схемы, таблицы, комментарии : учеб. пособие. М., 2014. 152 с.
6. Клейберг Ю.А. Девиантное поведение в вопросах и ответах : учеб. пособие для вузов. М., 2006; 2008. 304 с.
7. Ракитов А.И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Науковедческие исследования: Сб. науч. трудов. М., 2003. С. 6–31.